

Круглые столы ЦТН в 2011 году. Хроника.

Круглый стол «Славянофильское наследие в современном изучении» прошел 14 февраля 2011 года под председательством Б. Ф. Егорова. О. Л. Фетисенко рассказала об истории создания ЦТН, о концепции его работы, о первых научных и издательских проектах и о планах на будущее, в том числе о задуманном цикле круглых столов, к участию в которых приглашаются филологи, историки, культурологи. Затем состоялась презентация только что изданного коллективного труда – «“Русская беседа”: История славянофильского журнала» (СПб.: «Издательство “Пушкинский Дом”», 2011). О книге, являющей собой первый опыт комплексного описания периодического издания (исследования об издателе, редакторах и основных авторах журнала; большой раздел архивных материалов; постатейная роспись с атрибуциями и справочным аппаратом) подробно говорили Б. Ф. Егоров, А. П. Дмитриев и О. Л. Фетисенко. Замечания, предложения, пожелания Центру и авторам-составителям представленной книги прозвучали в выступлениях Е. И. Анненковой, В. В. Ведерникова, Т. Г. Ивановой, В. А. Котельникова, В. А. Кошелева.

Во второй части круглого стола с сообщениями выступили А. П. Дмитриев и тесно сотрудничающие с ЦТН историки – К. А. Жуков (СПбГУ; тема его выступления – «В. В. Григорьев в “Русской беседе”»), Д. А. Бадалян (РНБ), С. В. Мотин (Уфимский юридический институт МВД; «Аксаковское движение в Уфе»).

Д. А. Бадалян посвятил свое сообщение цензурной истории «Сельское благоустройство» — журнала, обсуждавшего пути будущей крестьянской реформы, который славянофилы издавали как «прибавлением» к «Русской беседе».

А. П. Дмитриев сделал сообщение о «личном органе» Гилярова-Платонова – газете «Современные известия» (1867–1887). Выходившая в продолжение двадцати лет газета переняла эстафету от таких изданий, как „Москва” И. С. Аксакова и „Русский” М. П. Погодина и быстро приобрела популярность как в Москве, так и в провинции, став вплоть до появления аксаковской „Руси” (1880) единственным славянофильским печатным органом. Это было уникальное «хождение в народ» интеллектуала-патриота, совершавшееся в переломную для России пореформенную эпоху и куда более плодотворное и насущное, нежели все предприятия революционеров-народников в те же годы. В докладе на основе архивных материалов прослеживалась непростая цензурная история газеты, объясняемая тем, что Гилярову были присущи критический настрой ума и сосредоточенность на болезненных явлениях жизни, однако при этом ему было свойственно и острое ощущение нравственной границы в обличении, не допускающее «подкапываться под порядок».

С. В. Мотин познакомил собравшихся с историей Аксаковского движения в Уфе. Центром Аксаковского движения в Башкирии является

Мемориальный Дом-музей С. Т. Аксакова, открытый в 1991 году, в год 200-летия со дня рождения писателя, и созданный в 1992 году Аксаковский фонд (Башкирское отделение Международного фонда славянской письменности и культуры). И музей, и фонд возглавляет писатель и общественный деятель, секретарь Союза писателей России М. А. Чванов.

Дом, в котором находится музей (деревянный особняк в стиле классицизма), был построен в середине XVIII века. Здесь располагалась канцелярия уфимского наместничества и жил со своей семьей дед писателя по материнской линии Н. С. Зубов, занимавший должность товарища наместника. Здесь же прошло детство и юность матери С. Т. Аксакова, Марии Николаевны. В 1792 году после смерти тестя Т. С. Аксаков выкупил этот дом с аукциона. Семья Аксаковых переехала сюда в 1795 году и жила здесь вплоть до своего отъезда в Ново-Аксаково в 1797 году.

Музей имеет две экспозиционные части, выставочный зал и литературную гостиную. Мемориальная часть, состоящая из семи залов, воссоздает интерьеры конца XVIII – начала XIX века. В литературной части представлены жизнь и творчество С. Т. Аксакова и его сыновей.

Музей является одним из культурных центров столицы Башкирии и сотрудничает с ведущими региональными общественными организациями. Ежегодно совместно с Аксаковским фондом он участвует в организации и проведении международного Аксаковского праздника, посвященного дню рождения писателя (последняя декада сентября) и Дней славянской письменности культуры (последняя декада мая). На основе Аксаковских чтений, проводимых в музее, были изданы пять «Аксаковских сборников», а также подготовлено несколько буклетов. В 2009 г. у музея появился свой сайт (<http://www.aksakov.info>).

Аксаковский фонд ставит своей целью восстановление аксаковских мест в Башкирии, пропаганду творческого наследия семьи Аксаковых, связь со славянскими странами, где свято имя И. С. Аксакова, и Русским Зарубежьем. По его инициативе в Уфе восстановлен Аксаковский сад, создана Аксаковская гимназия, поддерживающая тесные контакты с Аксаковской гимназией в Болгарии в г. Пазарджик, Уфимским горсоветом учреждены Аксаковские студенческие стипендии, создан уникальный в своем роде Аксаковский историко-культурный центр «Надеждино» под Белебеем, где восстановлена усадьба семьи Аксаковых, православный храм; при центре работает воскресная школа и школа народных ремесел.

В 1996 году правительством Башкирии учреждена Литературная премия имени С. Т. Аксакова, лауреатами которой стали Василий Белов, Валерий Ганичев, Валентин Распутин, Станислав Куняев, Анатолий Генатулин и др.

В Башкирском государственном педагогическом университета им. М. Акмуллы на базе кафедры русской литературы во главе с доктором филологических наук, профессором В. В. Борисовой создана инициативная группа по подготовке электронного научного издания (ЭНИ) «Сергей

Тимофеевич Аксаков». Эта группа разрабатывает и продвигает специализированный сайт (<http://aksakov.do.am>), где представлены корпус текстов, основанный на наиболее авторитетном научном издании произведений писателя, Собрании сочинений в 5 томах под ред. С. И. Машинского (М., 1966), текстологический и реальный комментарий к ним; алфавитно-частотный конкорданс произведений С. Аксакова; справочная и биобиблиографическая информация о семействе Аксаковых; Летописи жизни и творчества С. Т. и И. С. Аксаковых. На сайте также размещены методические, иллюстративные материалы, необходимые для проведения соответствующих занятий в школе и вузе.

Следующий круглый стол, прошедший 14 марта под председательством В. А. Котельникова, оказался на деле серьезной научной конференцией, отличавшейся от обычной лишь «форматом» – более жесткой регламентацией выступлений. На март – апрель 2011 года пришлось сразу несколько трагических памятных дат: 190 лет со дня убийства Павла I, 145 лет со дня первого покушения на Александра II (1867) и 130 лет со дня Первого марта 1881 года. Тема круглого стола была обозначена следующим образом: **«Мартовские катастрофы России в литературных отражениях»**. В прозвучавших сообщениях были затронуты исторические события от времен Ивана Грозного до марта 1917 года и литературные отражения – от писательского эпистолярия второй половины XIX века до «Красного колеса» А. И. Солженицына. Эпиграфом к программе стали строки А. Т. Твардовского:

Сумрак полночи мартовской серый.
Что за ним – за рассветной чертой, –
Просто день или целая эра
Заступает уже на постой?

Заседание открылось докладом В. Е. Ветловской (ИРЛИ) «Начало сакрального года в истории России», в котором говорилось о неслучайности частого выбора именно даты 1 марта днем цареубийства. Докладчица напомнила о первом в России покушении на монарха в этот день – попытке отравления Ивана Грозного 1 марта 1553 года князем Владимиром Старицким. День Нового года по ряду календарей (в том числе и древнерусскому) избирается для сокрушения «тирании» и построения «нового мира».

М. Б. Асварищ (Гос. Русский музей), выступивший с докладом «Цареубийство 1 марта 1801 года – случайность или закономерность?», придерживался совершенно иной позиции, отрицая какую-либо сакральную приуроченность «дворцового переворота», каким видится ему убийство Павла I. Доклад вызвал живое обсуждение, поскольку большинство участников и устроителей круглого стола придерживалось воззрения на неслучайность выбора даты двух состоявшихся (1801, 1881) и одного предотвращенного (1889) цареубийств.

Е. М. Аксененко (ИРЛИ) представила в своем докладе «“...в бурю слабый крик птицы...” (Игумен Антоний (Бочков) о покушении Дмитрия

Каракозова») неизвестный архивный материал, рассказав об отклике на выстрел Каракозова религиозного мыслителя, писателя и поэта игумена Антония (Бочкова) (1803–1872), обнаруженном в его неопубликованных письмах к монахине Марии (Шаховой) из собрания Рукописного отдела Пушкинского Дома. Мнение о. Антония, внимательно следившего за отзывами о происшедшем в периодической печати, не совпадало с официальной точкой зрения. Самобытный взгляд автора удивляет историческими прозрениями и, в общем, вполне современным нам пониманием сущности терроризма как идеологии, выражающей тревожный симптом разложения духовной жизни общества.

Центральное место заняли доклады, тематика которых была связана с царевубийством 1 марта 1881 года и его последствиями.

Д. А. Бадалян в докладе «*Первое марта* в эпистолярных диалогах поздних славянофилов» процитировал фрагменты писем и воспоминаний И. С. Аксакова, Н. Н. Страхова, О. Ф. Миллера, В. С. Россоловского, а также В. А. Ляцкой, дочери А. Н. Пыпина, представляющих реакцию современников на известие об убийстве Александра II и последующие за ним события.

А. П. Дмитриев в докладе «Газета “Современные известия” о *Первом марта* и “диктатуре сердца” М. Т. Лорис-Меликова» проанализировал выявленные им отклики московской газеты на трагические события 1881 года (17 передовых статей, опубликованных 4–26 марта). Взятые в совокупности, эти статьи представляют собой глубокое исследование генезиса революционного движения и предлагают комплекс оригинальных мер по его нейтрализации, среди которых: переезд правительства в Москву как финал «петербургского периода» русской истории, расширение гласности и сокращение прав «канцелярской тайны», «круговая нравственная порука» населения и «органическое переустройство общества» (с усилением корпоративного принципа его организации) как «ручательство политического спокойствия» и др. Год «диктатуры сердца», по убеждению Гилярова, значительно ослабил государство и способствовал тому, что нигилизм в России («болезнь органическая, хроническое умоисступление») «перешел в бешенство».

О. Л. Фетисенко представила в своем докладе («„Весна, реакция!“: два марта и политическая метеорология Константина Леонтьева) коррективу к клишированному образу Леонтьева – реакционера, советующего «подморозить Россию». Этот его совет – о чем редко вспоминают – прозвучал ровно за год до гибели Александра II, в передовой статье «Варшавского дневника» от 1 марта 1880 года. За эффектной фразой осталось незамеченным другое место той же статьи – о неизбежности реакции «то туда, то сюда» («Зимой – холодно, летом – жарко; и то и другое неприятно и многим даже вредно. <...> Но кто в жары будет сердиться на давно прошедший холод?..»). Такой подход подразумевает, что и «подмораживание» нужно лишь как временное средство – чтобы исправить 25-летнее «либеральное развинчивание»

России. Случившееся через год Леонтьев воспринимает, конечно, как трагедию, но, с другой стороны, и как событие, давшее возможность начаться новому периоду истории.

Выступление В. А. Фатеева («Н. Н. Страхов о происхождении нигилизма») было посвящено борьбе Страхова против нигилизма и особому положению этого мыслителя и критика в русской консервативной мысли второй половины XIX века («один из трезвых между угорелыми», по его собственной оценке). Докладчик уделил особое внимание сложным взаимоотношениям Страхова с Леонтьевым, Достоевским и Вл. Соловьевым.

Малоизвестным страницам истории предотвращенного покушения на Александра III (1 марта 1889 года) посвятил свой доклад «Второе *первое марта*» М. П. Лепехин (БАН).

Последние три доклада перенесли слушателей в XX век. Е. И. Гончарова (ИРЛИ) обобщила резкие оценочные высказывания В. В. Розанова о русском терроре. А. М. Любомудров (ИРЛИ) в докладе «Антиномия марта у Ивана Шмелева» сопоставил произведения разных периодов – очерки 1917 года и позднейшие отображения событий этого переломного года. Докладчик подчеркнул, что Шмелев – единственный художник, для которого именно март имел исключительное значение в творчестве и личной судьбе. В марте начаты «Лето Господне» и «Пути небесные» (где завязка действия происходит также в марте). Март катастрофичен и страшен в рассказе «Страх», но светел и рождает надежду в «Мартовской капели», «Весеннем плеске», «Яичке». События Февральской революции, восторженно описанные в цикле «В Сибирь за освобожденными», спустя несколько лет предстают в противоположном свете в рассказах «Убийство» и «Кровавый грех»: на смену пасхально звучащей теме «воскресения мертвого» приходит тема «убийства великой страны». Здесь проявилась свойственная Шмелеву ретроспективная переоценка событий и фактов. Идейное переосмысление находит выражение в ярких, эмоционально окрашенных, но совершенно антагонистических образах («поезд свободы» становится «апокалиптическим чудовищем»).

В. А. Котельников в докладе «Русский март у Солженицына» показал, что март 1917 года в «Красном колесе» являет собой момент остановки российской истории. В этот момент человеческое содержание большинства персонажей уже не продолжается за пределы их личной участи и не включается как фактор в общее движение жизни к иному ее устройству (а именно так были включены в историю герои Пушкина и Л. Н. Толстого), потому что такое движение в описываемый период прекратилось – если видеть в истории (таким взглядом наделен в тексте только Варсонофьев) не просто череду событий и деятелей, а органический *творящий* процесс. Теперь, как и предсказывал М. Е. Салтыков-Щедрин, «история прекратила течение свое»; то же констатировал, уже пережив тот период, Д. Хармс в известной сценке 1933 года: «Воронин (*вбегая*) –

Остановка истории! Люди бегут по улице! На Неве стреляют из пушек!» При тотальной массовой активности в замкнутом событийном круге «красного колеса» история стоит, она выжидает, не создавая нового качества, а человеческие сообщества деградируют.

11 апреля состоялся круглый стол **«Мемориальные очаги славянофильства: люди, усадьбы, архивы»**. О. Л. Фетисенко (ведущая) открыла его вступительным словом «Славянофильство на музейной карте России», напомнив о давно существующих и открывшихся в последние годы мемориальных домах-музеях и музеях-усадьбах, о музеях, которые появились в первые послереволюционные годы и просуществовали всего несколько лет. Далее она рассказала о возрождении к жизни усадеб А. С. Хомякова и А. И. Кошелева и о тех местах, где едва ли в ближайшее время что-то может быть восстановлено (как в леонтьевском Кудиново).

Музею дворянского быта сороковых годов, созданному в 1919 году М. А. Хомяковой, дочерью философа-славянофила, в доме на Собачьей площадке в Москве и закрытому в 1929 году, был посвящен содержательный доклад Д. А. Бадаляна «Дом Хомякова после Хомякова», сопровождавшийся показом фотографий музейных интерьеров из собрания Литературного музея ИРЛИ. Одной из тем доклада стала судьба директора музея в доме Хомякова – Б. В. Шапошникова, позднее возглавившего Литературный музей Пушкинского Дома.

Заведующая ныне этим музеем Л. Г. Агамалян рассказала об усадьбе А. М. Бакунина Прямухино, показав ее как гнездо «протославянофильства», о современном состоянии, о попытках возрождения этого места и проходящих в Прямухино конференциях.

Сообщение И. В. Колодяжного (СПбГУ) о доме и архиве В. В. Кожина, как и два предыдущих, сопровождалось показом большого количества фотографий, в том числе снятых с автографов и надписей на книгах из библиотеки московского литературоведа. Тютчевская тема (одна из констант научных штудий Кожина, что было отражено и в докладе) была продолжена сообщением правнучатой племянницы поэта, И. В. Калитаевой, «Три усадьбы Тютчевых» (Овстуг, Мураново и Знаменское). О третьей, на Ярославской земле, мы знаем совсем мало.

На небольшой выставке, которая была подготовлена к этому дню, были представлены современные фотографии мест, где в 2000-е годы побывали сотрудники тогда еще не существовавшего Центра (Кудиново, Богучарово, подмосковное Черкизово), а также книги, буклеты, открытки об усадьбах Тютчева.

Завершился круглый стол сообщениями, не связанными с основной темой непосредственно, но по своей тематике, возбуждавшими сильнейший интерес присутствующих. Диакон Николай Бондарев (его тема – «Русские святые в Музее Горного института») рассказал об истории хранящихся в указанном музее редчайших икон из русских самоцветов. Выступление И. А. Шалиной (Гос. Русский музей) «Музейные реликвии в современном

мире» было посвящено острейшей современной проблеме – судьбе Торопецкой иконы Божией Матери, переданной на временное хранение в один из храмов Русской Православной Церкви.

20 октября под председательством В. А. Котельникова прошел круглый стол **«Лесков: проблемы биографии и творчества»**, начавшийся с презентации книги «Н. С. Лесков: классик в неклассическом освещении», подготовленной А. С. Александровым, В. А. Котельниковым и О. Л. Фетисенко и вышедшей в издательстве «Владимир Даль». В сборник вошли две посвященные Лескову книги, созданные известнейшими литературными критиками в конце 1890-х – начале 1920-х годов, когда происходило настоящее открытие автора «Левши» и «Соборян». Книга А. Л. Волынского «Н. С. Лесков» не переиздавалась с 1923 года и оставалась незаслуженно забытой. Обширный труд А. А. Измайлова «Лесков и его время», известный раньше лишь узкому кругу специалистов, впервые опубликован по рукописи, хранящейся в Пушкинском Доме. Каждый из готовивших книгу рассказал о ней и об особенностях работы над ней, А. С. Александров, кроме того, сделал сообщение «А. А. Измайлов как биограф Н. С. Лескова».

В работе круглого стола приняли участие И. В. Столярова (СПбГУ), О. В. Евдокимова (РГПУ), Т. Б. Ильинская (СПб. гос. ун-т сервиса и экономики), Н. Ю. Данилова (Ленинградский гос. университет им. А. С. Пушкина; тема ее сообщения: «Лесков в литературной критике Русского Зарубежья»), А. П. Дмитриев, а также аспирантки РГПУ А. Л. Петрова, изучающая наследованную Лесковым традицию сократического диалога, Я. В. Карсакова (предмет ее научного интереса – старообрядческая иконописная традиция в повести «Запечатленный ангел») и А. А. Буткевич, исследующая влияние на Лескова поэтики византийских легенд.

В острых дискуссиях основной части научного заседания обсуждались, в частности, вопросы о наличии у Лескова пророческого дара, о практике литературной игры писателя, ставящей, по мнению некоторых, его в ряд предтеч постмодернизма, а также о смысле и этической допустимости фальсификаций Лесковым исторических документов.

Последнее ответвление дискуссии было вызвано докладом А. П. Дмитриева «Лесков как публикатор и интерпретатор исторических документов в журнале „Исторический вестник“: от пикантных прикрас до фальсификации». В 1880—1886 годах Лесков 55 раз публиковался в «Историческом вестнике», в 1887 и 1890 годах напечатал там еще по одной статье. Докладчик сосредоточился на шести подготовленных писателем материалах, которые можно назвать «архивно-публикаторскими» («Поповская чехарда и приходская прихоть», «Русские деятели в Остзейском крае», «Подмен виновных», «Унизительный торг», «Благословенный брак» и «Загробный свидетель за женщин») и показал, что при воспроизведении либо частичном цитировании источников

писатель не только не удерживался от внесения в документы стилистической правки, «беллетризирующей» текст, но порой искажал фактические исторические свидетельства — просто в силу интенсивности и страстности своей интерпретации, переходящей подчас в самовнушение. Характерные примеры: объявление адресатом обстоятельного письма Ю. Ф. Самарина 1848 года из Риги, на котором основан очерк «Русские деятели в Остзейском крае», киевского историка В. Я. Шульгина, тогда как оно было написано М. П. Погодину для передачи генералу А. П. Ермолову, и публикация в статье «Благословенный брак» чинопоследования брака в молоканской секте в качестве «документа», якобы бытовавшего среди староверов поморского согласия и потому демонстрирующего, что у них было место таинству брака, правомочному наравне с существующим в православии; при этом ради убедительности Лесков пошел на подлог — прибавляет к публикуемому тексту слова «поют молебен», т. е. придает ему богослужебный характер.

Уже через неделю после этого круглого стола, 27 октября, ЦТН провел однодневную научную **конференцию, посвященную 150-летию газеты Ивана Аксакова «День»**. Теплым вступительным словом собравшихся приветствовал Б. Ф. Егоров, отметивший, что в конференции принимают участие представители четырех поколений ученых, занимающихся славянофильством. О значении и основных этапах истории славянофильской газеты напомнил А. П. Дмитриев. Подробная хроника конференции публикуется в журнале «Русская литература» (2012, № 3).

При непосредственном участии ЦТН 14–16 ноября была проведена международная научная конференция **«Восток, Россия и Европа: интеллектуальные маршруты Константина Леонтьева»**, завершившаяся круглым столом «К. Н. Леонтьев: диагностика и прогностика культуры», который стал ярким финальным аккордом в насыщенном научными встречами году (хронику см. в журнале «Русская литература», 2012, № 2).

А в самом конце года успели появиться и книжные новинки: два объемных тома из эпистолярного наследия русских консерваторов. Первый (Разумевающие верой: Переписка Н. П. Гилярова-Платонова и К. П. Победоносцева. СПб.: Росток, 2011) подготовлен А. П. Дмитриевым, второй (Пророки Византизма: Переписка К. Н. Леонтьева и Т. И. Филиппова. СПб.: Издательство Пушкинский Дом, 2012) – О.Л. Фетисенко.

Сотрудники ЦТН надеются продолжать проведение научных заседаний и конференций. Завязались творческие контакты с исследователями, которые по разным причинам не смогли побывать в Петербурге в 2011 году, но несомненно будут в дальнейшем участвовать в работе Центра. Радует то, что к программам ЦТН присоединяются все новые и новые молодые исследователи. В ближайших планах Центра две конференции: «На ножах: Идеиный радикализм в литературных и

публицистических практиках второй половины XIX – начала XX века» и «К 130-летию брошюры К. Н. Леонтьева “Наши новые христиане”».

О. Л. Фетисенко